

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
БУХАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ**

КУРСОВАЯ РАБОТА

**по истории русского языка
студентки 3-в курса
отделения русской филологии
филологического факультета
БухГУ Хожиевой Мафтуны**

**Тема: «Стиль произведений Ивана
Грозного как отражение особенностей
старорусского языка»**

**Научный руководитель:
доц. Сидоркова Л.Р.**

Бухара - 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
§-1. Периодизация истории русского языка	5
§-2. Особенности общественно-политической жизни России XVI в.	8
2.1. Основные теории московского единовластия	8
2.2. Развитие публицистического стил.	10
§-3. Язык и стиль произведений Ивана Грозного	12
3.1. Особенности использования церковнославянской лексики	12
3.2. Элементы делового стиля	15
3.3. Обиходная разговорная речь в посланиях Ивана Грозного	18
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	26
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	27

ВВЕДЕНИЕ

Раскрытие нравственной и эстетической ценности памятников словесного искусства Древней Руси и Московского государства, которое никак не может быть признано «молчаливым»,— задача очень большой важности. Будучи предшественницей современной литературы и фундаментом, на котором держится все здание русской литературы, древнерусская литература стала не только предшественницей ныне существующих жанров, направлений и родов литературы, но и показателем истории развития русского языка.

Русское средневековье не следует рассматривать, как «глухую эпоху», когда нация и государство только готовились к прорыву в цивилизованное будущее. Это период, когда зарождалась русская государственность, происходил переход от язычества к христианству, когда шло формирование общенациональной культуры и языка и, в конечном счете, национального самосознания.

Интересным и малоизученным в плане языковых особенностей является творчество Ивана Грозного. Произведения Ивана Грозного, в особенности послания, могут быть поставлены в один ряд с крупнейшими памятниками древней русской литературы, как справедливо отмечает В. П. Адрианова-Перетц, редактор первого собрания его избранных сочинений. Все вышеизложенное обусловило **актуальность** избранной темы.

Объектом исследования являются произведения царя Ивана Грозного.

Предмет исследования – процесс формирования и развития в произведениях древнерусской литературы особенностей русского языка.

Цель работы — установление особенностей лексики и стилистики посланий Ивана Грозного как отражения особенностей старорусского языка.

Цель работы обусловила следующие ее **задачи**:

- охарактеризовать периодизацию истории русского языка;
- определить основные общественно-политические события XVIв., сыгравшие роль в развитии Московской государственности;

- проанализировать на конкретных примерах, как формировался своеобразный язык и стиль произведений Ивана Грозного;

- проследить, как тенденции, заложенные в древнерусской литературе XVIв., в том числе и в произведениях Ивана Грозного, обогатили и изменили систему старорусского языка.

Материалом для исследования послужили тексты полемических сочинений Ивана Грозного, публицистики А.Курбского как наиболее характерных произведений древнерусской литературы, в которых отчетливо просматриваются тенденции развития старорусского языка.

Материал выпускной квалификационной работы, ее цели и задачи определяют применение следующих **методов** филологического анализа:

- метод направленной интерпретации (герменевтики) текста, целью которого становится открытие авторской субъективности, принципиальных установок средневекового книжника;

- сравнительно-исторический метод, послуживший базой для сопоставления творческих индивидуальностей;

- аксиологический подход в оценке мировоззренческих и художественных явлений: в центре внимания исследователя оказывается система ценностных ориентиров эпохи.

Практическая значимость работы заключается в том, что материал исследования может быть использован на уроках русской литературы в старших классах школы и в вузовском преподавании (в курсах истории русской литературы, спецкурсах и спецсеминарах).

Структура работы. Работа состоит из введения, трех параграфов, заключения, списка использованной литературы.

§-1. Периодизация истории русского языка

Язык никогда не стоит на месте, он все время изменяется и развивается. При этом разные уровни (ярусы) языка развиваются неравномерно и по своим особым законам. Более всего заметны лексические изменения, так как появление новых слов и исчезновение старых происходит довольно часто и может быть зафиксировано в памяти даже одного поколения. Медленнее протекают изменения в области грамматики (морфологии и синтаксиса). Самыми медленными темпами отличается развитие звуковой стороны слов.

В истории русского языка выделяют семь основных периодов развития, которые графически на условной шкале времени можно представить следующим образом:

История русского языка как такового начинается если не с XIV, то по крайней мере с XII-XIII вв., когда в древнерусском языке наметились явления, отличающие диалекты великорусов, украинцев и белорусов друг от друга. Более ранние периоды относятся к истории праславянского и общевосточнославянского языков. Однако в силу того, что многие явления современного русского языка нельзя понять, не учитывая явлений, возникших в праславянском и древнерусском языках, историю русского языка начинают рассматривать с периода праславянского языка, когда из него выделились восточнославянские диалекты (т.е. последние пять периодов). Таким образом, за «точку отсчета», за исходную систему в истории русского языка принимается система древнерусского языка конца X – начала XI в.

I. Восточнославянский период (VI-IX вв.) – это период выделения из единого праславянского языка восточнославянских диалектов. В это время в

языке произошли следующие изменения: изменение согласных под влиянием *j, I и II лабиализации, исчезновение носовых гласных, развитие II полногласия.

II. Древнерусский период (IX-XIV вв.) связан с формированием и развитием древнерусской народности. В рамках этого периода выделяется два этапа: ранний и поздний.

а) Ранний период (IX-XI вв.) – это период формирования языка древнерусской народности, складывающейся в связи с образованием единого для восточных славян государства Киевская Русь во главе с Киевом. В это время возросла устойчивость диалекта на определенной территории, так как произошло территориальное закрепление отдельных групп населения, а также перераспределение диалектных особенностей, образование новых диалектных групп. Важным является выработка *киевского койне* – наречия, основанного на сплаве южных и северных диалектных черт. Это укрепило связь Киева как столицы со всей Русью, сплотило русский народ.

б) Поздний период (XII-XIV вв.), связан с эпохой феодальной раздробленности Древней Руси. В это время начинается сильное диалектное членение древнерусской речи, в результате чего она распадается на три самостоятельных языка: русский, украинский и белорусский. К числу наиболее ярких диалектных особенностей этого периода относится произношение [г] как звука взрывного или фрикативного; произношение звука [в] как губно-зубного или губно-губного; развитие аканья, яканья, цоканья, чоканья.

III. Старорусский (великорусский) период (XIV-XVII вв.) – это период становления и развития языка великорусской народности, образовавшей Московское государство. К этому времени уже произошла III лабиализация, установилась система твердых-мягких, глухих-звонких согласных, утратилась старая система форм прошедшего времени глагола, объединились некоторые типы и варианты склонения существительных, утратилась звательная форма, прекратилось действие II палатализации -

произошла замена свистящих заднеязычными в определенных грамматических формах (нозЭ - ноге).

IV. Начальный период формирования национального русского языка (сер. XVII- XVIII вв.). В это время происходит экономическая и политическая концентрация территорий, слияние феодальных земель и княжеств, образование общего всероссийского рынка. Начинается процесс формирования русской нации и русского национального языка, который является не новым языком по отношению к языку великорусской народности, а дальнейшим его развитием, обусловленным развитием самой народности в нацию. Это постепенно приводит к прекращению образования новых диалектных черт, хотя существующие диалекты сохраняются еще долго. К XVII в. вырабатывается единое средневеликорусское московское койне с северновеликорусской основой и южновеликорусскими наслоениями, для которого характерны аканье, [г] взрывное, [т] твердое в глаголах III лица. Оно сыграло решающую роль в формировании основ современной русской речи.

V. Новый период истории русского языка (с XIX в. по настоящее время) принято определять со времени деятельности А.С.Пушкина, когда в основном завершается сложение системы норм современного русского литературного языка, который стремится стать основным средством общения нации. Диалекты теряют свое значение и остаются достоянием только сельского населения. В XX в. русский язык получил статус одного из мировых языков.

Возможно, данная периодизация дополнится еще одним периодом (новейшим), отражающим суть языковых изменений современной эпохи, так как язык времен Пушкина уже слишком далек от языка наших дней

§-2. Особенности общественно-политической жизни

России XVI в.

2.1. Основные теории московского единовластия

XVI век – это период крутого поворота в истории страны. Это было время, богатое драматическими событиями и глубокими социальными потрясениями: дальнейшее развитие производительных сил страны и связанный с этим рост товарно-денежных отношений; усиление феодальной эксплуатации крестьянства, почти полное его обезземеление и закрепощение, сопровождавшееся ожесточенной классовой борьбой; обострение борьбы внутри самого класса феодалов – между боярством и молодым дворянством; успехи централизации государственного управления и усиление самодержавной власти московского царя, поддерживаемого в его борьбе с реакционным боярством всеми прогрессивными силами страны; начало превращения России из национального в многонациональное государство; непрерывные войны и походы, требовавшие огромного напряжения и стоившие великих жертв.

В конце XV – в начале XVI века слагаются теории московского единовластия. Самой популярной из них была теория, известная в формуле: «*Москва – третий Рим*». Наиболее ярким ее выразителем был старец Филофей. В послании против «звездочетов» (астрономов) Филофей утверждает, что Византию Бог предал туркам за союз с католичеством, Рим еще не взят врагами, то души «латинян» уже давно взяты дьяволом. В мире осталось только одно православное царство – Московское, один христианский царь – московский государь. «*Два убо Рима падеша, а третий стоит, а четвертому не быти*». Эта патриотическая теория, заключавшая в религиозной оболочке гордость за свою родину, веру в ее всемирно-историческое призвание, провозглашена в яркой публицистической манере с ее экспрессивностью, эмоциональной приподнятостью стиля, гражданственностью позиции автора.

В середине XVI века возникает ряд больших историко-культурных памятников сводного, компилятивного характера: летописные своды, свод житийной литературы («Великие Четы-Минеи»), свод жизнеописаний князей («Степенная книга»), «Стоглав», устанавливающий государственные нормы общественной жизни, и «Домострой», утверждавший нормы жизни семейной. Общая цель каждого из этих сборников в большей или меньшей степени публицистична – подвести итоги прошлого развития на основе теории «Москва – третий Рим».

В эпоху возвышения Москвы и укрепления княжеской власти происходила ожесточенная внутрицерковная борьба. На протяжении XIII – XIV вв. заметно увеличилось число монастырей, владевших обширными землями и многочисленным крепостным населением. К концу XV в. в руках монахов была почти треть всех московских земель. Внутри церкви появились защитники и противники монастырского землевладения и вообще «стяжания». *«Иосифляне»*, названные так по имени их идейного вождя Иосифа Волоцкого (Санина) (1439-1515гг.), игумена Волоколамского монастыря, отстаивали права монастырей владеть землей и обогащаться. Они требовали полного подчинения церкви государству, считая, что оно обязано поддерживать церковь. Такая позиция дала им возможность договориться с укрепившимся московским самодержавием. В своих произведениях, главным образом посланиях, Иосиф Волоцкий отстаивал законность крупного монастырского землевладения, ссылаясь на то, что монастыри являются значительной не только религиозной, но и политической силой. Прообразом публицистики XVI в. была его «Книга на новгородских еретиков» («Просветитель»).

Другое течение в области церковной мысли представлено было *«заволжскими старцами»* во главе с Нилом Сорским (1433-1508гг.). Заволжские старцы (монахи заволжских монастырей) выступали против монастырского землевладения и обогащения, проповедуя «нестяжание». Они выступали против иосифлян, стремившихся превратить церковь в

государственное учреждение. С точки зрения Нила Сорского и заволжских старцев, задачей монаха были прежде всего подвижничество, аскетизм и полное отрешение от тех материальных забот и политических функций, которые брало на себя иосифлянское духовенство.

Все перечисленные общественные события наложили свой отпечаток на развитие дальнейшей истории развития русского языка. Прежде всего это сказалось на развитии публицистики.

2.2. Развитие публицистического стиля

Публицистикой называют статьи, сочинения, освещающие вопросы политики, философии, экологические и правовые стороны общественного развития. Материалом публицистики обычно становится не только описание событий. Часто вымышленных, сколько рассуждение и оценка фактов реальной действительности. Публицистический дух присущ ранним произведениям древнерусской литературе: “словам”, поучениям. Но как особый, специфический вид литературного творчества, публицистика появляется на Руси в XVI веке.

В двадцатых годах XVI в. в общественно-политическую жизнь Москвы активно включился приехавший из Греции (с Афона) ученый монах Максим Грек (Михаил Триволис). Царь Василий III поручил ему перевод и исправление русского текста Толковой Псалтыри. Это вызвало недовольство «иосифлян», не допускавших критического подхода к текстам Писания. Но перевод был одобрен митрополитом Варлаамом и Василием III. Максиму поручают перевод и исправление толкования других богослужебных книг.

В своих публицистических произведениях «Беседа Ума с Душой», «Слово о покаянии» Максим Грек обличает быт и нравы русских монахов – праздность, лихоимство, чревоугодие, сребролюбие, пьянство. За обличение русского монашества его обвинили в ереси и сношениях с турецким султаном и заточили в тюрьму Иосифо-Волоколамского монастыря, где он провел 16 лет, не прекращая литературной работы. В своих «словах»,

«поучениях» Максим Грек выступал с критикой религиозного формализма, злоупотреблений суда, доказывал вред суеверий, требовал логического, критического подхода к текстам Писания, выдвигает идею нравственной ответственности царя перед Богом за судьбы своей страны и подданных.

Максима Грека можно по праву считать одним из первых филологов на Руси. Он написал трактат «Похвальныя словеса блаженныя и святыя книги грамматики». Это своего рода поэма в прозе, хвалебное слово, в котором говорится об огромном образовательном и воспитательном значении изучения языка.

Все сочинения Максима Грека написаны в строгом соответствии с правилами риторического и грамматического искусства. Свои мысли он развивает в строгой логической последовательности, аргументируя каждое положение. Язык его сочинений сугубо книжный, он не допускает никаких словесных вольностей, не употребляет простой разговорной лексики.

Наиболее радикальным из известных нам публицистов XVI в. был Иван Пересветов. Приехав на Русь из Литвы в 1538 г., в разгар боярского «самовластия», он активно включился в политическую борьбу: в «обидах» и «волокитах» «истерял» всю свою «собинку». Неоднократно подавал Пересветов челобитные на имя юного великого князя, выступал с аллегорическими публицистическими повестями, доказывая необходимость единой державной формы правления государством и устранения боярства. Прибегая к историческим параллелям, он изображал существенные недостатки политической жизни Москвы и давал советы к их устранению.

Ренессансная вера в человека самого по себе, вне сословий и корпораций, сказалась в сочинениях Пересветова в полной мере. Положительную политическую программу — смелый проект государственных преобразований он изложил в публицистическом памфлете 1547 г. «Сказание о Магмете-Салтане». Памфлет построен на прозрачной исторической аллегории: императору Константину противопоставляется Магмет-Салтан. В описании правления царя Константина, вступившего на

царство после смерти отца трех лет от роду, чем и воспользовались вельможи царицы, современники узнавали события недавнего прошлого: малолетство Грозного, борьба за власть бояр Бельских и Шуйских. Эти вельможи *«до возрасту царицы обогатили от пенного собрания»*, они порушили праведный суд, осуждали неповинных по *«мздам»*, *«богатели от слез и от крови роду человеческого»*. Бояре, которые *«царя мудрого осетили враждами своими и уловили лукавством своим и укротили воинство его»*, явились главной причиной гибели Царьграда. Именно вельможи, по мнению Пересветова, являются причиной оскудения Русского государства.

Совершенно светская по своему характеру публицистика Пересветова обнаруживала явное влияние фольклора и устной речи. Афоризмы Пересветова строились как поговорки: *«...как конь... без узды, тако и царство без грозы»*, *«Царь кроток и смирен на царстве своем, и царство его оскудеет... Царь на царстве грозен и мудр — царство его ширеет»*, *«Правда богу сердечная радость»*, *«Бог не веру любит — правду»*.

Неизвестно, читал ли молодой царь Иван Васильевич, к которому обращался Пересветов, его сочинения. Однако слова апостола Павла о том, что *«царь бо несть боязнь делом благим, но злым»* и носит меч *«в месть убо злодеем, в похвалу же добродеем»*, стали действительно любимой идеей этого государственного деятеля, бывшего и одним из наиболее выдающихся русских публицистов XVI в.

§-3. Язык и стиль произведений Ивана Грозного

3.1. Особенности использования церковнославянской лексики

Иван IV выступал в различных жанрах литературы: до нас дошли его «речи» («прение» с протестантским проповедником Яном Рокитой и беседы с иностранными дипломатами Поссевино, Джеромом Баусом и другими); вероятно, Ивану IV принадлежит и памятник церковной литературы — канон «Ангелу Грозному», подписанный именем «Парфения Уродивого».

Но основной жанр, в котором выступал Иван IV, — эпистолярный. До нас дошли и полемические послания царя, в числе которых — прославленное письмо Курбскому, и его многочисленные дипломатические грамоты, в которых обнаруживаются черты его своеобразного стиля: живой спор с противником, обильные риторические вопросы, издевательское пародирование аргументов оппонента.

Иван IV был публицистом — в своих произведениях он спорил, убеждал, доказывал. И, несмотря на неограниченную власть царя внутри государства, ему приходилось при этом встречаться с серьезными противниками: из-за рубежа приходили сочинения врагов Ивана IV, и в первую очередь наиболее талантливого из них — Курбского. Споря с этими «крестопреступниками», царь не мог ограничиваться традиционными приемами литературы XVI в. — обширными цитатами из сочинений отцов церкви, высокопарной риторикой. Свое первое послание Курбскому (1564) он адресовал не только и не столько самому «крестопреступнику», сколько «во все Российское царство». Читателям нужно было показать всю неправду обличаемых в послании бояр, а для этого недостаточно было общих слов — нужны были живые, выразительные детали, бытовые сцены.

Размышляя над особенностями развития русского литературного языка, А. С. Пушкин отмечал, что «простонародное наречие необходимо должно было отделиться от книжного, но впоследствии они сблизились, и такова стихия, данная нам для сообщения наших мыслей» [18, С.27]. Сближение это прослеживается примерно с XVI столетия. «Воссоздание языка» и «национальное пробуждение», сопутствовавшие сплочению национальных областей в единое Российское государство, способствовали освобождению литературного языка как от областнических тенденций, так и от излишней, чуждой народу церковнославянищины. В литературный язык постепенно все более и более внедряются элементы разговорной речи, деловой письменности и устного народного творчества. Постепенно

расширяется, обмирщается и тематика литературных произведений. Все эти новые явления отразились в посланиях Ивана Грозного.

Грозный решительнее и прежде других публицистов той поры нарушал литературные каноны. Выдающийся мастер русского языка писатель А. Н. Толстой указывал, что в век, когда писатели пользовались еще «вымершими формами церковно-славянского языка» и «народная живая речь считалась подлой», именно «бешеный темперамент Ивана Грозного... прорывал эту окаменевшую ткань русской латыни» [См. 8, С.168]. В письменной речи Грозного скрещиваются книжные и обиходные средства языка. С рассуждениями о государственном благе и толкованиями библейских текстов соседствуют воспоминания о мелких личных обидах и бытовые подробности и наблюдения; и, соответственно, тяжеловесная парадная церковно-славянщина смешивается с московским просторечием, формулами подьяческого делопроизводства и фольклорными эпитетами и метафорами.

Человек большого писательского дарования, Грозный столь же не сдержан в своей литературной деятельности, как и на государственном поприще. Грозный полагал излишним литературное редактирование своих сочинений («занеже слово мимомощественно, а не постоянно»), а ближайшие его сотрудники не рисковали вносить в эти сочинения даже стилистические поправки. Отсюда неряшливость формы, многочисленные повторы и отступления, растянутость изложения, нагромождение плохо соединенных между собою цитат. Но отсюда же и непосредственность изложения, естественность языка, полнокровность и многообразие лексики. Все эти черты заметно отличают послания Грозного от сочинений Курбского, изящных по форме, немногословных, тщательно продуманных, «яко обычеи искусным и ученым».

В посланиях Грозного преобладают еще церковно-славянские словарь и грамматические формы. Это обусловлено и характером образования Грозного и характером его общественного мировоззрения. В сочинениях Грозного широко использованы приемы церковной литературы; ссылки на

дьявола как вдохновителя «злых» дел, аллегории, связанные с традиционной церковной символикой, и т. п. Иван Грозный, как было отмечено В. П. Адриановой-Перетц, блестяще владел библейским стилем.

Церковнообрядовая лексика занимает большое место среди книжных слов, встречающихся в сочинениях Грозного. Обращает внимание обилие существительных, в том числе синонимов, с суффиксами «-ние», «-ость», «-ство», имеющими значение отвлеченности. С традициями церковной литературы связаны в большей мере и синонимика тождественных понятий, и пристрастие к придуманным сложным словам, в частности к сочетаниям с «благо», «зло».

Иван Грозный неизменно цитирует «священные книги». Однако он отступает от общепринятых приемов цитирования «строками» или «стихами». У Грозного, как с негодованием и чувством превосходства отмечает Курбский, «ото многих священных словес хватано... зело паче меры преизлишно и звягливо, целыми книгами и паремьями и посланьми».

Значительным было воздействие на Грозного-писателя проповеднической литературы. Он постоянно, как и его противник Курбский, употреблял риторические вопросы, сопровождаемые восклицаниями и повторами.

3.2. Элементы делового стиля

В публицистическую литературу XVI в. настойчиво проникают элементы деловой письменности. В творчестве Ивана Грозного это отразилось и на словарном составе его посланий, и на их форме (последовательности изложения). Имеются прямые указания на хорошее знакомство Грозного с документальными материалами Царского архива, являвшегося в середине XVI в. архивом Боярской думы. Грозный не раз посещал архив, причем как раз в годы написания изучаемых посланий. Некоторые документы пересылались в его личный архив, в Александровскую слободу. Грозный принимал деятельное участие в составлении многих документов внутренней

и особенно внешней политики. На использовании памятников деловой письменности в значительной степени было основано и официальное летописание.

Языковые нормы деловой письменности, ее типические обороты чутко воспринимаются и повторяются Грозным, составляя неотъемлемую черту его лексики. Именно знание приказного делопроизводства позволило Грозному с таким совершенством воспроизводить, а иногда и вышучивать форму и язык различных деловых документов. В этом отношении особенно интересна челобитная Семиону Бекбулатовичу со стандартными выражениями, вроде «памятьми ссылатися», «полные имати», «к тебе, ко государю, имяна их списки принесем», «и ты б, государь, милость показал», «государь, смилуйся, пожалуй!»).

Любопытны и пародии на традиционную форму дипломатических грамот. Встречается в сочинениях Грозного и местническая терминология: «Много же не в Тимохину версту обрящеши», — писал он в первом послании Курбскому; «И сами Прозоровские каковы пред нами? Ино то уж мы в ногу не судим? . . . А князю Володимеру почему было быти на государстве? От четвертого удельного родился?», — возмущенно спрашивал Грозный во втором послании Курбскому. Известная формула Грозного о правах русских государей, которые «вольны были подовластных жаловати и казнити», близка к формулировке посольских книг. Так, в Польской посольской книге 1562—1563 гг. читаем сходные слова: «Государь наш волен своих холопей казнити и жаловати».

Из деловой переписки и постановлений, принимаемых в ответ на челобитья, Грозный усвоил, видимо, и распространенную тогда манеру ответов на письма. Вначале обычно излагалось содержание документа или части документа, на который составлялся ответ или по которому принималось решение. Изложение должно было быть кратким, по возможности близким к тексту, иногда дословно близким. Порядок расположения материала в документе (в том числе замечаний или

обвинений) определял и последовательность ответов. Именно так составлены и ответные послания Грозного.

Особенно ярко прослеживаются характерная последовательность изложения и почти дословные повторения, цитирование текста, в пространном Первом послании Курбскому. Так, в ответ на обвинение Курбского: «аще и тьмами хвалишася в гордости своей», Грозный, подхватив эти слова, выдвинул контробвинение и, варьируя, настойчиво повторял его: «гордостию дмяся хвалишися», «безумием дмяся хвалишися», «гордостию дмяся выше меры». Во Втором послании Курбскому Грозный снова возвращается к сходной фразе: «написах... не гордяся, не дмяся». Курбский в ответе на Второе послание также не преминул отпарировать удар сходными словами: «... от преизлишного надмения и гордости, мнящеся о себе мудр всеа вселенныя учитель быти». Подхватывает Грозный и слова Курбского о «дальноконных градех».

Обычаем повторения в ответных документах отдельных слов или даже выражений адресата можно объяснять и наличие в не которых сочинениях Грозного иностранных слов, в частности наличие полонизмов и западнорусизмов в посланиях в Польско-Литовское государство, особенно в послании Стефану Баторию. Это заметно даже в бранно-презрительной лексике посланий: «зрада», «зрадцы», «зрадити», «зрадный», «лотры», «лотровский», «шкода» и др. Такое приспособление речи к языку и пониманию адресата характерно для современных Грозному посольских документов. Оно отразилось даже в передаче царского титула. Так, в грамоте крымскому хану, отправленной в декабре 1562 г., Иван Грозный титулуется «царем и великим князем всеа Руссии, Московским, Новгородским, Казанским, Астраханским, Немецким и «иных великие Орды».

Употребление иностранных слов вместо тождественных русских характерно также для современных Грозному посольских документов. Русские послы в Польше, например, пользуются таким смешанным языком, рассказывая о жизни бежавших туда русских служилых людей: «А ныне его все

израдцою и лотром и чают на него от короля опалы не вдолге, Курбский завалчился с ляхи в межах, и ляхи его все не любят, а зовут что полская рада вся его не любит». В этом отношении интересны и тюркизмы, отмечаемые в послании Василия Грязного Ивану IV: «кадамы», «нолны», «толмачить».

У Грозного, как и у Пересветова, деловая и художественная проза сливаются. Элементы деловой речи, так же как и полонизмы, употреблялись Грозным для придания речи большей выразительности, расширяя художественные средства публицистической литературы.

3.3. Обиходная разговорная речь в посланиях Ивана Грозного

Многосторонне представлена в посланиях Грозного обиходная разговорная речь, обнаруживаемая и в бытовом словаре, и в самом синтаксическом строе речи. Особенности разговорной речи сближают писателя с его корреспондентом Василием Грязным. В посланиях обоих — близкие обиходные выражения, сходные грамматические обороты, малоупотребительные в письменных памятниках.

Те же черты свойственны и посланию в Кирилло-Белозерский монастырь против «пагубного монастырского бесчиния», и даже дипломатической переписке. Здесь Грозный - писатель выступает новатором; консерваторы-церковники утверждали, что книжные речи «народными обещиваются». Иван Грозный смело и непосредственно смешивает в своих сочинениях высокий стиль с его церковно-славянизмами и книжными грамматическими конструкциями с обыденным московским просторечием.

Обмирщение публицистики выражалось в посланиях Грозного не только в области языка, но и в тематике сочинений. Грозный позволял себе в одних и тех же сочинениях писать и о важных вещах и о мелких бытовых подробностях. Это наблюдается в посланиях Курбскому, рассчитанных на зарубежного читателя. И Курбский поэтому в ответ стыдит Грозного и за вторжение мелочных воспоминаний, бытовых подробностей и ругательств в его политическую публицистику («туто же...»), и за выражение мыслей

«варварским языком», языком простых людей, называя его писание «баснями неистовых баб» («еж не токмо цареви... но и простому воину сие было не достойно»).

В «Очерках поэтического стиля древней Руси» В. П. Адриановой-Перетц показано, как широко и своеобразно использовал Иван IV в своем литературном творчестве наряду с библейскими образами устную народную поэзию и образность живого языка: характерное для фольклора уподобление жестокости, злобы и коварства качествам полусказочных зверей, метафорическое противоположение тьмы и света как отрицательных и положительных явлений, употребление слова «собака» в иносказательном смысле «изменник» и т. д.

Языку Грозного свойственны черты, сближающие его с языком Даниила Заточника: «На зайцев потребно множество псов, на враги ж множество вой»; «Ведь дать волю царю ино и псарю, дать слабость вельможе, ино и простому». Сохранились свидетельства об участии Ивана Грозного в народных обрядовых игрищах, о любви его к народным сказкам и песням, о бытовании фольклорных жанров при его дворе. По-видимому, под «излишними играми презлых сверстников», о которых Курбскому было писать «срамно», можно понимать народные игрища полуязыческого происхождения. «Туто же о постелях, о телогреях, и иные безчисленные, воистину якобы неистовых баб, басни, и так варварско, яко не токмо ученым и искусным мужем, но и про стым детем со удивлением и смехом... Не достоин мужем рыцарским сваритися, аки рабом», — читаем в «кратком» ответе на Первое послание Грозного; «А еще пишеш о Курлятеве, о Прозоровских и о Ситцких, и не вем о яких узорочьях, и за упокой, припоминаючи и Кроновы и Афродитовы дела и стре лецких жен, аки бы нечто смеху достойно и пьяных баб басни. ...», «не достоин нам воином, яко рабом сваритися», — отвечает Курбский во Втором послании.

Быть может, не без непосредственного воздействия сочинения Даниила Заточника в Послании в Кирилло-Белозерский монастырь появились слова:

«Ино то ли путь спасения, что в черныцех боярин боярства не състрижет, а холоп холопства не избу дет?». (Сравнить: «.. . тако же и холопу: аще бо паче меры горделив бы и буяв, но укору ему своего не избыти, холопья имени» — «Слово Даниила Заточника». В «Пискаревском летописце» так описываются «потехи» юноши Ивана IV, находившегося с войском близ Коломны: «И тут была у него потеха: пашню пахал вешнюю и з бояры, и сеял гречиху, и иные потехи: на ходулах ходил и в саван наряжался». Тот же летописец расширяет и наши представления о «пирах частых со многими пьянствы», описанных Курбским. Опившиеся гости на таких пирах глумились «всяким глумлением: .. . овии стихи пояше, а овии песни вспевати и собаки звати, и всякие срамные слова глаголати». Быть может, под воздействием народных театральных представлений и религиозных празднеств у Грозного и выработалась характерная для него склонность к театральным эффектам. Так, во время новгородского погрома архиепископа издевательски посадили на кобылу, дав ему в одну руку гусли, а в другую дурацкую палку.

Принимая после набега крымцев на Москву представителей крымского хана, присланных «по выход», Иван IV нарядился в сермягу, бусырь и баранью шубу и в таком одеянии отвечал послам: «Видишь де меня в чем я? Так де меня царь (т. е. крымский хан, — Х.М.) зделал? Все де мое царство выпленил и казну пожег, дати де мне нечево царю». В расчете на эффект был задуман и внезапный выезд царя со двором из Москвы накануне учреждения опричнины. Иван IV и сам, видимо, (во всяком случае в молодые годы), поддавался несколько театрализованному воздействию, чем и воспользовался Сильвестр в июне 1547 г., припугнув юношу-царя «детскими страшилы».

В годы опричнины три слепца ежевечерне рассказывали Грозному перед сном «старинные истории, сказки и фантазии за одной другую». Заклинания Сильвестра на фоне «зельнейшего московского пожара» в дни массового восстания «черных людей», убивших главу правительства — родного дядю царя князя Ю. В. Глинского и угрожавших самому царю,

должны были произвести на юношу Ивана IV устрашающее впечатление. Менее чем через четыре года он вспоминал: «и отсега ба вниде страх в душу мою и трепет в кости моя». По преданию, когда Иван Грозный хотел повеселиться, он приказывал петь песни, сложенные о завоевании Казани и Астрахани. Таким образом, воздействие фольклора на Ивана IV было постоянным и непосредственным.

Характерные черты Грозного-писателя наглядно проявились в бранно-презрительной лексике, в которой постоянно смешение церковно-славянизмов, придуманных сложных слов, слов с суффиксами «-ние», «-ость», «-ство», имеющими значение отвлеченности, с московским просторечием. Здесь особенно ощутимы новаторство Грозного в области языкотворчества, многообразие его лексических средств, эмоциональная насыщенность его речи. В посланиях, особенно написанных в ответ на «лай» противников, Грозный не знал удержу в гневе и не стеснялся в выражениях. «Ядови тые словесы» со «многую яростию и лютоостию» как бы наслаиваются одно на другое и с дополнительными эпитетами и сравнениями повторяются для придания тексту еще более «кусательного» смысла (выражения Курбского).

Показательно в этом отношении окончание Первого послания Курбскому. Оставляя по существу без ответа одно из обвинений Курбского, Грозный, распаляясь, подменяет ответ руганью: «От Кроновых де жерцех еже подобно псу лая или яд ехидны отрыгая, сие неподобно писал еси.. . сия убо вся злобесным своим умышлением, писал еси». Следующие затем листы послания буквально испещрены «не чистыми и кусательными глаголами»: называя город Вольмер вотчиной короля, Курбский «свою злобесную собацкую измену до конца совершает»; государя он нашел «по своему злобесному собацкому хотению», и послание его от беса («по своему злобесному изменному собацкому хотению и умышлению, иступив ума неистоваяся, бесному подобаяся, колебляся, писал еси»).

Такое неистовство брани типично для литературного стиля Грозного, а возможно, и для его устной речи. Неслучайно подобный лексикон имел место в период жизни Грозного. Для бранно-презрительной лексики Грозного характерны слова «бес», «зло», «собака», встречающиеся в различных сочетаниях. Слова эти часто употребляются Грозным вместе, давая сложные словообразования.

Грозный употребляет и существительное «бес», «бесы», и глагольные формы «бесящися», «возбеснев», и прилагательные «бесный», «бесов сын», «бешеный». Часто встречается прилагательное «бесовский» (ая, ое, ие), в сочетании со словами: «держава», «тьма», «обычай», «коварство», «злохитрие», «хотение», «козни», «служители», «слухи». Интересны и такие определения, как «бесоизвыкшие друзья», «бесосоставная грамота», «бесоподобная гордость», «бесослужительный разум». Слово «бес» привлекается Грозным обычно для характеристики «государевых изменников». В таком же смысле оно было употребительно и в официальных дипломатических документах. Например, в «памяти» посланнику в Польшу от февраля 1569 г. указывалось, в случае если Курбский «или иной которой государев изменник» начнет разговор, отвечать: «А вы своею изменою сколько ни лукавствуйте бесовским обычаем.. ».

Еще чаще встречаются в сочинениях Грозного прилагательное «злой»: «злая воля», «злые деяния», «злая ненависть», «злые советники», «злой совет» — «избранная рада» и т. п., а также сложные слова с существительным «зло»: «злодеяние», «злодейство», «злокозньство», «злосоветие», «злоумие», «злохитрие», «злохитрство», «злочестие», «злодейственный», «зloverный», «злокозненный», «злoluкавый», «злотворящие», «злочестив» и др. Подобные словообразования — типичная черта многих выдающихся древнерусских писателей, ощущавших потребность во внешне новом и в то же время стоявших на путях церковно-книжной традиции.

Курбский, особо стыдя Грозного за его «варварскую» речь, писал: «то есть неподобных людей и лотров обычай, что язык свой за укоризну обращати»

Многократно употребляется Грозным и слово «собака», и различные словообразования, с ним связанные. Слова эти, как правило, употреблены в переносном смысле по отношению к противникам Грозного и имеют резко отрицательную эмоциональную направленность. «Собака» — обычное обращение Грозного к Курбскому («бешеная собака»), «собаки» и изменники князь С Ростовский, и руководитель правительства «Избранной рады» А. Ф. Адашев, гетман Гр. Хоткевич, «Избранная рада» — «собацкая власть» и т. д.

Слово «собака» прочно связывается в сознании и языке Грозного с понятием об измене, а нередко и со словом «измена»: «собака изменник князь Семен Ростовской», «измены собаки Олексея Адашева»; изменники это — «собатцкие люди»; уста изменника — «собатцкой рот». Иногда оба слова употребляются вместе: «собацкая измена», «собацкое изменное хотение и умышление», «собацкой изменный обычай» и т. п.

Слово «собака» в значении «изменник» было в то время употребительно и в просторечии и в делопроизводственных документах. Так называет изменника Кудеяра Василий Грязной, в этом же смысле слово «собака» встречается и в посольских наказах. На вопрос об измене Курбского русский посол должен был отвечать: «Курбской государю нашему изменил, собакою потек, собатцки и пропадет». Сходная формулировка и в наказе другому послу, обязанному об измене Дмитрия Вишневецкого «молвити»: «притек Вишневецкой ко государю нашему, как собака, и потек от государя нашего, как собака же».

Распространены были, следовательно, особые выражения: «притечь собакою», «потечь собакою». Это отразилось и на употреблении соответствующих глаголов: в посольском отчете 1571 г. об изменнике князе Михаиле Ноготкове-Оболенском написано: «а ныне вести про него нет, жив ли будет или здох». Подобные выражения, очевидно, и входили в

представление о «лае», когда откровенно наказывалось изменнику, «излаяв, да плюнути в глаза».

Слово «собака» в значении «изменник» перешло в литературу из устного эпоса; в словаре И. И. Срезневского оно в таком переносном смысле не отмечено, и возможно, что его распространение в литературе и делопроизводстве связано с Грозным (воздействие языка Грозного на язык посольских книг несомненно). Значительно дальше от просторечия и фольклора слово «пес» в иносказательном смысле «дурной человек», встречающееся и в литературных памятниках предшествовавшего времени. Слово это, по-видимому, не имело столь распространенного иносказательного значения и для придания желанного смысла употреблялось чаще вместе с эмоционально-бранным эпитетом. Грозный употребляет его и без эпитета в смысле злого лжеца: «подобно псу лая», «яко же псу нелепая глаголеше», и с эпитетами: Курбского называет «псом смердящим злобесным изменником», Василия Собакина—«злобесным псом» и даже самого себя — уничижительно и покаянно «смердящим псом».

В таком же смысле и также с эпитетом употребляет слово «пес» и Курбский в «Истории о великом князе московском», называя крымского хана Девлет-Гирея «псом бусурманским». Того же Девлет-Гирея Курбский называет и «бусурманским волком». В древней русской литературе было распространено уподобление жестокости и жадности человека свойствам волка. Этим же образом пользовался и Грозный, характеризуя Сильвестра.

Близость лексики Грозного и Курбского прослеживается и на употреблении обоими писателями слова «ехидна». Качествам ехидны уподобляется в их представлении жестокость, злоба, коварство. Это, по мнению Грозного, свойства враждебных ему бояр и Курбского. В свою очередь Курбский называет советников царя, осудивших Адашева и Сильвестра, «лукавыми, презлыми, ехитниными отротами». Близость образной лексики Грозного и Курбского заметна, однако, только при использовании литературных традиций. На стиль Курбского просторечие,

устный эпос, так же как и деловая речь, оказали значительно меньшее воздействие. Курбский считал их «варварскими».

Иван Грозный отличался редким чутьем языка, и литературный стиль его и словарь во многом зависели от адресата и характера послания: так, в первой части Послания в Кирилло-Белозерский монастырь и в краткой редакции Первого послания Курбскому особенно много церковно-славянских слов, в письме к Грязному — обилие простонародных выражений, а в посланиях в Польшу постоянно встречаются полонизмы и слова, более всего употребительные в западных областях Российского государства. Знаком приказного делопроизводства, Грозный великолепно умел подражать формам различных документов, восприняв элементы художественности, имевшиеся в деловой письменности.

Грозный знал и памятники древнерусской литературы. При исключительной памяти и начетнической практике обучения Грозный многое помнил наизусть и невольно, быть может, воспроизводил в своих сочинениях. Грозный хорошо знал летописи, по словам Курбского, «добре веси от летописцев Руских». Официальные летописи хранились в его личном архиве — «Государевой казне» — и в хорошо ему знакомом Царском архиве. Грозный не раз ссылался на летописные тексты: в разговоре с боярами в Александровской слободе в момент учреждения опричнины (Послание И. Таубе и Э. Крузе), в послании шведскому королю Иоганну III и т. д. Предполагается даже его участие в редактировании лицевых сводов.

В кругу приближенных молодого царя — «Избранной раде» — интересовались вопросами литературы. Непосредственно для Ивана IV предназначались некоторые публицистические сочинения; среди них особо выделяются сочинения Пересветова. По предположению М. А. Соколовой, с этой целью Сильвестром было написано особое предисловие к «Домострою». Послание к юноше Ивану IV составил Максим Грек. Влияние текста послания чувствуется в словах Грозного о приближении А.Ф.Адашева в Первом послании Курбскому: «тако взяв его от гноища и учиних с

вельможами». В послании Максима Грека читаем о власти бога: «от гноища возносить нища, посадить его с сильными людскими».

Таким образом, в языке посланий Ивана Грозного наблюдается и проникновение в литературный язык, в основе еще церковно-славянский, элементов просторечия, живой разговорной речи и деловой письменности, и воздействие устного народного творчества, и иноязычные влияния, и, наконец, воздействие лучших образцов древней русской литературы, стилистическая близость с которыми несомненна. Творчество Ивана Грозного имело большое значение в процессе развития русского литературного языка той поры (старорусского языка).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эстетическое и духовное изучение памятников древней литературы является крайне важным и актуальным. Ценности прошлого должны стать активными участниками жизни настоящего. Лучшие произведения литературы продолжают участвовать в жизни современного человечества. Писатели прошлого, поскольку их продолжают читать и они продолжают свое воздействие, — наши современники. В произведениях гуманистических, человеческих в высшем смысле этого слова культура не знает старения. Преемственность культурных ценностей — их важнейшее свойство. История есть не что иное как последовательная смена отдельных поколений, каждое из которых использует материалы, капиталы, производительные силы, переданные ему всеми предшествующими поколениями. По мере развития и углубления наших исторических знаний, умения ценить культуру прошлого человечество получает возможность опереться на все культурное наследие.

Выполненное исследование позволяет сделать вывод о том, что древнерусская литература XVI в. развивалась, в силу задач, стоящих перед государством, преимущественно в публицистическом ключе.

При всем своем разнообразии публицистика XVI в. представляла собой все же новое и чрезвычайно характерное явление для литературы и языка того времени. Новым фактом было уже широкое и вполне конкретное обсуждение «мирских» вопросов (вместо почти исключительно религиозной тематики в сходных письменных жанрах предшествующего времени); не затрагивая наиболее острого вопроса о характере зависимости крестьян от их «государя», публицистика XVI в. все-таки заговорила о низшем классе общества — «ратаях» и «сиротах».

В произведениях Ивана Грозного как одного из виднейших публицистов того времени можно отметить основные тенденции развития старорусского языка: сближение, а иногда и намеренное соединение церковнославянских черт с народно-разговорными, выход за рамки одного стиля, нарушение традиций книжной риторики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адрианова-Перетц В.П. Очерки поэтического стиля древней Руси. - М—Л., 1947.
2. Адрианова-Перетц В.П. Человек в учительной литературе Древней Руси // ТОДРЛ. – М., 1972. Т. XXVII.
3. Гудзий Н. К. История древней русской литературы. - М., 2006.
4. Дмитриев Л. А., Лихачев Д. С., Лурье Я. С. и др. История русской литературы X — XVII вв.: Учеб. пособие / Под ред. Д. С. Лихачева. - М., 1979.
5. Дмитриева Л.А., Поньрко Н.В. Повести Древней Руси. - М., 1987.
6. Изборник. Повести Древней Руси. – М., 1986.
7. Истрин В.М. Очерки истории древнерусской литературы московского периода. - М., 1992.

8. Кайев А.А. Русская литература. – М., 1958.
9. Клибанов А.И. Духовная культура средневековой Руси. - М., 1996.
10. Ключевский В. О. Исторические портреты. – М.: Правда, 1990
11. Ключевский В.О. Курс русской истории // Ключевский В.О. Сочинения. Т. II. - М., 1957. <http://www.philology.ru/>
12. Куприянова Е.Н., Макогоненко Г.П. Национальное своеобразие русской литературы. - Л., 1976.
13. Лихачев Д.С. Великое наследие. (Классические произведения литературы Древней Руси). - М., 1980.
14. Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. - М., 1970.
15. Лурье Я.С. Археографический обзор посланий Ивана Грозного. – М., 2005.
16. Никифоров Д.Н. Из наблюдений над языком и стилем посланий Ивана Грозного. // Уч. зап. Моск. гос. пед. дефектолог. инст., т. 1, 1991.
17. Помигалова М.И. Лексика посланий Ивана Грозного: Дисс... кандидата филол. наук. - Л., 1954. <http://www.dissercat.com>
18. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений, в десяти томах, т. VII, М.—Л., 1949.
19. Савицкая С.А. Особенности языка посланий Ивана Грозного: Автореф. дисс... кандидата филол. наук. - Львов, 1953. <http://www.dissercat.com>
20. Садиков П.А. Очерки по истории опричнины. - М.—Л., 1950.
21. Скрынников Р. Г. Иван Грозный. – М.: АСТ, 2001
22. Тамань В.И. О польской лексике в языке русских памятников XVI и первой половины XVII в. – АКД - Л., 1953.
23. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. - М., 1999.
24. Трубецкой Н.С. Лекции по древнерусской литературе (пер. с нем. М.А. Журиной). – В кн.: Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. - М., 1995. <http://www.philology.ru/>